

Э.И. Колчинский

АКАДЕМИЯ НАУК И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Академия наук и власть в предвоенное десятилетие

В десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне, Академия наук оказалась в двойственном положении, предопределившем, в конечном счете, поведение ее членов в 1914–1918 гг. С одной стороны, ученые были членами международного научного сообщества, входили в престижные общества и академии, их труды получали широкое общественное признание. Проведя многие годы в Западной Европы, они стремились перенести в Россию укоренившиеся там формы организации науки, ее этос, взаимоотношения между учеными, обществом и властями. В профессиональной культуре, поведении, языке, быте российские ученые практически не отличались от своих зарубежных коллег. Они были убеждены, что их деятельность служит государству и народу. В публикациях ученые подчеркивали объективность своих исследований, их оригинальность и новизну. Съезды российских ученых и научные общества, объединяли их по научно-дисциплинарным основаниям, обеспечивая свободное «гражданское» пространство. Здесь они чувствовали себя экспертами, людьми с высокой профессиональной репутацией.

С другой стороны, Академия наук оставалась частью государственной машины, которую финансировало правительство, а выборы ее членов утверждал император. Находясь на службе у правительства, члены Академии ощущали на себе, как оно вольно или невольно подавляло их активность. Они понимали, что правительство не способно обеспечить научные исследования в масштабах, отвечавшим потребностям страны. Возникал опасный разрыв между гражданским и профессиональным статусом академиков как «слуг правительства» и «жрецов истины», что неизбежно вело к противостоянию.

Вначале академики, дистанцируясь от политических проблем, подчеркивали независимость своих сочинений от социально-культурного контекста. Но возросшая практическая ценность науки и ощущение своей незаменимости побуждало их претендовать на особую роль в решении проблем, возникших перед Россией во время Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. Борьбу за политические свободы многие академики посчитали лучшим способом для обеспечения

профессиональной самореализации и самоидентификации. Участвуя в либеральном движении, апологеты «чистой науки» втягивались в политику, их академические интересы отступали на второй план, заменяясь общественно-организационной деятельностью, от которой они во благо народа и страны считали не вправе отказаться.

Часть академиков была убеждена, что правительство не способно решить назревшие проблемы, и, воспринимая себя носителями прогресса в отсталой стране, свое будущее связывали с коренными социально-политическими и экономическими реформами, созывом Учредительного собрания и введением конституционной монархии. Во время волнений 1905 г. они протестовали против размещения полиции и воинских частей в зданиях Академии наук, призывали офицеров и солдат не подчиняться приказам и уверяли, что волнения, забастовки и военные бунты расплата за преступления властей¹. Это вело их к столкновению с президентом Академии наук, вел. кн. Константином Константиновичем². При этом не забывались и профессиональные интересы. Академики высказывались за усиление государственной поддержки науки, отмену цензуры, развитие народного образования, демократизацию и автономность высшей школы³.

Выразителем настроений, взглядов и чаяний либеральных академиков стал Академический союз, созданный в 1905 г., а затем и партия конституционных демократов. После вооруженных восстаний ученые уже не мечтали о «слиянии с народом», а боялись его, по выражению М.О. Гершензона, «пуще всех казней власти», славя ее за то, что она «штыками и тюрьмами» еще ограждала их от «ярости народной»⁴. Как констатировал с горечью С.Н. Булгаков: «В революционные дни опять повторилось гонение на знание... Наша интеллигентная молодежь не

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 15, 19–21; Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 289. Л. 3; Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 28. Л. 57–58; Протоколы заседаний Общего собрания Академии наук (далее ОС АН). 1905. С. 216.

² ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 113–114, 119, 124, 137–140, 148, 151; Там же. Ф. 36. Оп. 2. Д. 54. Л. 20.

³ Записка о нуждах просвещения в России // Наша жизнь. 1905. 20 янв.; Протоколы заседаний ОС АН за 1905 г. Приложение к протоколу ОС АН 18 февраля 1905 года. С. 22; Там же. Приложения к протоколу заседания от 24 марта 1905 г. 1-е прил. С. 1–2; Приложение к протоколу заседания экстраординарного ОС АН от 11 мая 1905 г. С. 1–3.

⁴ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 92.

может признать самостоятельного значения науки, философии, просвещения, университетов...»⁵ и чуждается их, не видя возможности использовать знание во зло царизму. В итоге академическое сообщество, включая руководство, оказалось резко дифференцированным по политическим пристрастиям. Консервативную политику двора разделял президент, вел. кн. Константин Константинович, к октябристам примкнул вице-президент П.В. Никитин, а неперемный секретарь С.Ф. Ольденбург придерживался либерально-демократических воззрений. Неудача в работе Государственного совета депутатов от Академической курии похоронила надежды на реформы «сверху» в области науки и образования. Профессура решила, что она должна взять на себя заботу об их дальнейшем развитии.

Выход из создавшейся ситуации многие академики видели в укреплении связи фундаментальных исследований с промышленностью и сельским хозяйством, в повышении их роли в социально-экономическом и культурном развитии России, а также в привлечении в науку частных, кооперативных и земских средств. Создавая частные вузы, общественные фонды и научно-технические общества они расширяли социальную базу науки. По примеру Германии и США они основали в Москве Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова.

Активно участвуя в самоорганизации науки, академики не забывали и о патриотических чувствах правительства. «Такая великая страна, как Россия, — писал В.И. Вернадский по поводу создания Ломоносовского института, — не может и не должна остаться чуждой тому напряженному соревнованию, которое на этом поприще проявляют народы Западной Европы и страны за океаном. Этого не допускает не только благородное чувство национальной гордости, но, насколько могут об этом судить люди науки, и сознание государственной пользы»⁶. От императора и правительства академики по-прежнему добивались расширения учреждений Академии наук, увеличения ее финансирования, принятия нового Устава, укрепления международных связей, приведения высшего образования в соответствие с нуждами экономики и его демократизации. Это вело к новым столкновениям с властью, как это произошло в 1911 г. в связи с событиями в Московском универ-

⁵ Там же. С. 28.

⁶ *Вернадский В.И.* О Ломоносовском институте Императорской Академии наук // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1965. Т. 6. С. 297.

ситете⁷. Таким образом, шел интенсивный процесс самоорганизации российской науки, вынашивались планы ее трансформации в сеть государственных научно-исследовательских институтов по примеру Общества кайзера Вильгельма.

В предвоенные годы германские научные учреждения, общества и университеты традиционно оставались главными научными партнерами Академии наук⁸. Ее сотрудники, например этнограф Б.Ф. Адлер, историк М.А. Дьяконов, востоковеды К.Г. Залеман, П.К. Коковцев, С.Ф. Ольденбург, В.В. Радлов, зоолог Н.Я. Кузнецов, экономист И.И. Янжул и другие направлялись в Германию для «ученых занятий»: приобретения коллекций, сбора и фотографирования материалов, участия в международных конгрессах и т.д. Российские ученые участвовали в подготовке и праздновании юбилеев Берлинской Академии наук, Гёттингенского ученого общества, Шлезвигского общества отечественной культуры в Бреславе, Общества естествоиспытателей в Брауншвейге, Бреславского и Лейпцигского университетов, Университета Фридриха-Вильгельма в Берлине и т.д. Академия наук содействовала научным командировкам Р. Хеймонса (R. Heumons), М. Самтера (M. Samter), Ф. Зольгера (F. Solger) и других немецких естествоиспытателей на Кавказ и в Среднюю Азию, а также Германской арктической экспедиции на полуостров Таймыр. Велась работа по совместному изданию сочинений Л. Эйлера, по подготовке Конвенции о защите авторских прав, которую Россия предполагала заключить с Австро-Венгрией, Германией и Францией. Шло взаимное предоставление во временное пользование книг, рукописей и коллекций. Через издательства и книготорговые фирмы, в основном Лейпцига (B.G. Teubner, O. Harrovitz, M. Weg, G. Fock, B. Liebich), а также Берлина (R. Friedlaender, W. Junk), Йены (G. Fischer) и других городов Германии шло распространение изданий Академии наук и закупка иностранной литературы. Фирма «Mendellsohn & Co» способствовала оплате счетов различных немецких фирм и типографий, изготавливавших для Императорской Академии наук инструменты, аппаратуру, фотографии, таблицы. Весной 1914 г. на Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге был открыт специальный Русский отдел.

Традиционно высоким был процент немецких ученых, избранных в 1901–1913 гг. в число ее иностранных членов-корреспондентов (29 из 98)

⁷ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2-1911. Д. 2. Л. 1–2, 63.

⁸ Летопись Российской Академии наук. Т. 4. 1901–1934 / Отв. ред. Э.И. Колчинский и Г.И. Смагина. СПб., 2004.

и почетных членов (5 из 14)⁹. Характерно, что от Англии было избрано только 2 почетных члена и 9 чл.-корреспондентов, а от Франции, соответственно, 2 и 19¹⁰. Все это свидетельствует о том, что академическое сообщество в предвоенные годы по-прежнему ориентировалось, главным образом, на связи с учеными Германии, а не со странами-союзниками по блоку Антанты.

Защита Отечества

Первая мировая война заставила многих, в том числе и академиков, забыть о недовольстве правительством и вызвала всплеск патриотизма¹¹. Академия наук удержалась от демонстративных верноподданнических действий, сохранила трезвость в шовинистическом угаре и дистанцировалась от университетской профессуры, призывавшей разорвать научные связи с учеными из Центральных держав и исключить их из числа почетных членов всех университетов, научных учреждений и обществ. Более года Общее собрание (ОС) тянуло с исполнением одобренного императором 19 ноября 1914 г. распоряжения правительства от 31 октября 1914 г., предписывавшего всем государственным учреждениям очиститься от подданных неприятельских стран. 14 марта 1915 г. в ответ на обращение и. о. министра народного просвещения М. Траубе академики заявили, что «не следует думать, что такая чрезвычайная мера, как лишение почетных званий, прежде ни в какие войны в качестве боевого средства не применявшаяся ни нашей Академией, ни другими, не имела бы никаких последствий для учреждения ее применившего»¹². По предложению математика А.А. Маркова, поддержанного его коллегами А.М. Ляпуновым и В.А. Стекловым, императорское предписание было отклонено 21 голосом из 25. 9 января 1916 г. Академия наук аналогичным образом ответила на запрос Финляндского генерал-губернатора¹³. И только месяц спустя требуемое

⁹ О проценте лиц немецкой национальности среди членов и сотрудников в ИАН подробно говорится в предыдущей статье Ю.А. Виноградова.

¹⁰ Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М., 1999. С. 496–525.

¹¹ Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 109.

¹² Протоколы ОС АН за 1914. С. 165. С. 222.

¹³ ПФА РАН Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 17; Протоколы ОС АН за 1916 г. С. 2, 4.

решение было принято при двадцати «за» и одиннадцати «против»¹⁴. При этом академики «забыли» перечислить исключения, что лишало постановление всякой юридической силы, и оставили за собой право по окончании войны восстановить «исключенных».

Вместе с тем, война отразилась на составе Академии. Вплоть до 1922 г. ни один немецкий ученый не был избран ее иностранным чл.-корреспондентом. В 1914–1918 гг. в их число были выбраны 4 француза, 4 англичанина, 2 бельгийца, 2 норвежца и 1 чех.

Академия стремилась компенсировать ущерб от разрыва российско-немецких контактов. С этой целью искали новые пути получения научных изданий, выходивших в Германии и Австро-Венгрии, перенесения центра закупки иностранной литературы из Лейпцига в Упсалу, обсуждали проблему переноса центра по руководству Международной ассоциацией академий из Берлина в Амстердам. Взамен традиционных связей предпринимали попытки установить тесные научные отношения с Англией и Францией. Эти намерения получили поддержку со стороны союзников. В письме от 13 марта 1916 г. министру народного просвещения П.Н. Игнатьеву посол Великобритании Дж. У. Бьюкенен предложил расширить научные контакты между учеными двух стран. На Общем собрании 9 мая 1916 г. было решено создать специальную комиссию под председательством неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга¹⁵. Состав комиссии был определен 8 октября 1916 г. В нее включили химика П.И. Вальдена, византиниста Н.П. Кондакова и медиевиста П.Г. Виноградова¹⁶.

Через неделю возникла идея о том, что сферу деятельности комиссии и ее задачи следует существенно расширить, укрепляя научные контакты не только с учеными Англии, но и других союзных стран. Председателем Комиссии для усиления контактов с союзниками был назначен и.о. вице-президента Академии А.П. Карпинский¹⁷, фактически возглавлявший ИАН после смерти президента вел. кн. Константина Константиновича и вице-президента П.В. Никитина. Помимо вышеназванных академиков туда вошли также математик В.А. Стеклов, литературовед Н.А. Котляровский (позднее вместо него филолог-славист А.И. Соболевский), историки А.С. Лаппо-Данилевский и А.А. Шахма-

¹⁴ Там же. Л. 34–35. Протоколы ОС АН за 1916 г. С. 33–34. § 43.

¹⁵ Там же. Л. 56об.; § 108. Протоколы ОС АН за 1916. С. 786. § 108.

¹⁶ Там же. Л. 96об.; § 221. Протоколы ОС АН за 1916. С. 159. § 221.

¹⁷ Там же. Л. 103об.; § 242 Протоколы ОС АН за 1916. С. 174. § 242.

тов¹⁸. В Комиссию пригласили также представителей университетов и ученых обществ Петрограда.¹⁹

Комиссия должна была заняться, прежде всего, налаживанием обмена научной информацией между союзниками, обменом научными изданиями и их переводами, взаимными командировками профессоров для чтения лекций, командировками молодых ученых для обучения, организацией совместных экспедиций и проектов, типа издания «Истории России» на английском языке²⁰. Предполагали оперативно готовить аналитические и библиографические данные о достижениях русской научной мысли и издавать на русском и французском языках периодические издания по физико-математическим и гуманитарным наукам, в которых публиковали бы обзоры и научная хроника²¹.

Под председательством товарища министра народного просвещения, чл.-корреспондента ИАН зоолога В.Т. Шевякова, было созвано Особое совещание по культурному сближению России с дружескими странами, куда от ИАН направили А.П. Карпинского, В.И. Вернадского и А.С. Лаппо-Данилевского²². Февральская революция отодвинула эти проблемы на второй план, хотя правительственные органы Великобритании, США и Франции в 1917 г. еще не раз обращались к руководству ИАН с призывами активизировать усилия по укреплению научных контактов. Однако усиление контроля и цензуры в почтовых отправлениях не только не способствовали обмену информацией и печатными изданиями между учеными России со своими коллегами из-за рубежа, но, напротив, прерывали уже имевшиеся связи²³. Вместе с тем, возникали новые проекты: устройство Русского института в Париже и посылка с этой целью делегации во Францию, перевод на французский язык еще не подготовленной книги «Русская наука» и т. п. В связи с созданием в ряде университетов Англии кафедр и курсов русского языка В.Т. Шевяков просил Академию оказать содействие в посылке в Англию академических изданий в качестве учебных пособий²⁴.

¹⁸ Там же. Л. 111об.; § 277; Протоколы ОС АН за 1916. С. 190. § 276.

¹⁹ Там же. Л. 103об.; Протоколы ОС АН за 1916. С. 174. § 242.

²⁰ Протоколы ОС АН за 1916. С. 168–171. Приложение I-11 к § 221.

²¹ Там же. С. 219–221. Приложение III § 299.

²² Там же. С. 69. § 80.

²³ Протоколы ОС АН за 1917. С. 12–13. § 37.

²⁴ Протоколы ОС АН за 1916. С. 181. § 256.

Под влиянием вышедшей в Париже в 1915 г. коллективной монографии «Французская наука» в декабре 1916 г. ИАН создала специальную комиссию по подготовке труда²⁵, в котором предполагали «показать, как много мысли, упорного труда и забот положено русскими людьми на создание тех народных духовных сокровищ, которые в виде книг, библиотек, музеев, лабораторий и опытных станций становятся доступными все более и более широкому кругу лиц»²⁶. Первоначально Комиссию «Русская наука» возглавлял А.С. Лаппо-Данилевский, а после его смерти — С.Ф. Ольденбург. Военная разруха не позволила завершить задуманный коллективный труд, в котором участвовало более 50 авторов, и который, по словам Ольденбурга, дал бы «картину того крупного научного подвига, который внесен русскими учеными в мировую сокровищницу науки»²⁷.

В условиях нараставшего экономического и социально-политического кризиса не было закончено и четырехтомное издание «Императорская Академия наук (1889–1914)». Свет увидели только два тома — второй и третий в двух частях²⁸, содержащие исторические очерки о научных и административных учреждениях Академии и 93 биографии академиков. В 1915 г. Вернадский сдал в печать очерк «Академия наук в первое столетие своей истории», который был отпечатан, но так и остался в корректуре. В 1914 г. была предпринята первая попытка как-то организационно оформить исследования по истории науки, которая также была безрезультатной²⁹.

²⁵ *Тункина И.В.* К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний / Отв. ред. В. М. Орел и Г. И. Смагина. СПб., 2003. С. 637–659.

²⁶ Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям Физико-математических наук и Исторических наук и филологии за 1917 год, составленный Непременным Секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 г. Пг., 1917. С. 8.

²⁷ Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям Физико-математических наук и Исторических наук и филологии за 1917 год, составленный непременным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1919 г. Пг., 1919. С. 4.

²⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук в 1889–1914 гг.: [II] — Материалы для истории Академических учреждений... Пг., 1917 [1918]; То же. [III] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Ч. 1. А–Л. Пг., 1915; Ч. 2. М–Я. Пг., 1915 [1918].

²⁹ *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестн. РАН. 1997. Т. 67. № 3.

Война прямо сказалась на деятельности Академии наук, наложив «свою тяжелую руку и на развитие науки, — писал академик В.И. Вернадский в 1915 г., — отвлекала средства, ...на долгие месяцы отбила от научной работы ее работников»³⁰. В Стамбуле закрыли Русский Археологический институт³¹, а в Лейпциге — Русский отдел Международной выставки книгопечатания³². В октябре 1914 г. в Большом конференц-зале Главного здания АН был открыт лазарет для раненых воинов, финансируемый за счет частных пожертвований академиков. Отныне заседания Общего собрания проходили в Малом конференц-зале³³.

С первых дней войны Академия наук занялась охраной памятников науки и культуры, оказавшихся под угрозой уничтожения и конфискации. По инициативе академика А.А. Шахматова³⁴, Общее собрание уже 29 ноября 1914 г. создало Комиссию об охране исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий в составе И.П. Бородина, В.И. Вернадского, М.А. Дьяконова, Н.П. Кондакова, А.С. Лаппо-Данилевского, В.М. Истрина, Ф.И. Успенского, Н.В. Насонова, А.А. Шахматова, а 20 декабря 1914 г. назначила чл.-корреспондента ИАН Е.Ф. Шмурло своим уполномоченным по их охране в Галиции, Буковине и Польше³⁵, а позднее уполномоченным на Кавказском фронте с согласия Верховного главнокомандующего им стал академик Ф.И. Успенский³⁶. 23 февраля 1915 г. на экстраординарном ОС по просьбе Общества охраны древностей Варшавы была также создана специальная комиссия³⁷. 16 марта 1915 г. правительство выделило Академии наук 6 000 руб. на расходы по охране исторических памятников, библиотек и коллекций в местностях военных действий³⁸. 28 ноября 1916 г. было выделено еще 6 000 руб. на эти цели³⁹.

В 1915–1916 гг. Академия наук провела большую работу по учету и охране научных памятников на Юго-Западном и Кавказском фронтах.

³⁰ Очерки и речи акад. В. И. Вернадского. М., 1989. С. 282.

³¹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Д. 164. Л. 449.

³² Там же. Д. 161. Л. 78.; Протоколы ОС АН за 1914. С. 135. § 162.

³³ Там же. Л. 86. Протоколы ОС АН за 1914. С. 151. § 193.

³⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37-1914. Л. 28. Протоколы ОС АН за 1914. С. 158. § 208.

³⁵ Там же. Д. 161. Л. 89об., § 222; Протоколы ОС АН за 1914. С. 165. § 222.

³⁶ Протоколы ОС АН за 1915. С. 56. § 66; Протоколы ОС АН за 1916. С. 57–59. § 79.

³⁷ Там же. С. 26. § 43.

³⁸ Там же. С. 72. § 77.

³⁹ Протоколы ОС АН за 1917. С. 2. § 5.

Активное участие в ней принимали академики Н.Я. Марр, И.А. Орбели и Е.В. Шмурло. Под председательством президента ИАН вел. кн. Константина Константиновича предполагалось создать Комитет по описанию, охране и поддержанию археологических памятников Цареграда (Стамбула) и его окрестностей, которые в случае победоносной войны должны были отойти к России⁴⁰. С этой же целью неоднократно обсуждался вопрос о создании Палестинского Комитета⁴¹. Из занятого нашими войсками Трапезунда российские власти в 1916 г. вывезли коллекцию редких рукописных памятников. В то же время, как свидетельствуют многочисленные донесения, во время позиционной войны одни и те же местности не раз переходили из рук в руки, что сопровождалось многократным разграблением и гибелью уникальных памятников истории, рукописей и книг⁴².

С первых дней войны, закрывшей для русских ученых возможность публиковаться в немецких журналах, практически все отрасли российской науки охватило стремление иметь национальные научные журналы и свои профессиональные общества. Так, в 1916 г. биолог, чл.-корреспондент Н.К. Кольцов подчеркивал, что стремление иметь сеть собственных национальных журналов диктуется отнюдь не узким национализмом, а желанием привлечь к научной работе «великие силы, таящиеся в русском народе»⁴³. Отечественная наука жаждала стать самостоятельной. С этой целью 20–21 декабря 1915 г. в Петрограде по инициативе академиком А.С. Фаминцына и И.П. Бородина состоялся съезд ботаников, учредивших Русское ботаническое общество и его журнал. Так было положено начало созданию научных обществ при ИАН.

Никогда до этого Академия не была столь тесно связана с повседневными потребностями государства. Бурный рост промышленности и военных заказов накануне войны не решил проблемы снабжения армии необходимым вооружением, а также ликвидации сырьевой зависимости оборонной промышленности от импорта⁴⁴. Для содействия

⁴⁰ Протоколы ОС АН за 1915. С. 98–100. § 105; С. 100–101. Приложение к § 105.

⁴¹ Протоколы ОС АН за 1917. С. 70. § 82. С. 74–78. Приложение I к § 82.

⁴² Записка академика Н.Я. Марра о регистрации как вывезенных, так и брошенных на месте на произвол судьбы рукописей и древностей занятой нами части Турецкой Армении // Изв. Имп. АН. VI сер. 1915. № 16. С. 1711–1719.

⁴³ Кольцов Н.К. Ученые общества и научные журналы в России // Природа, 1916. № 2. С. 253–254.

⁴⁴ Айранетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию [1907–1917]. М., 2003. С. 97–103.

правительству в мобилизации промышленности с середины 1915 г. стали создаваться военно-промышленные комитеты (ВПК), прообразом которых служили аналогичные комитеты в Германии. Центральный ВПК состоял из подразделов, во многих из которых (химическом, металлургическом, топливном, механическом, автомобильно-авиационном и др.) участвовали члены ИАН. ВПК действовали как контрагенты военных ведомств и как посредники казны и предприятий. При этом они финансировались за счет государственных субсидий, отчисляемых с суммы заказов, передаваемых военными ведомствами через комитеты, а также добровольных взносов. ВПК были тесно связаны с работой правительства, Государственного совета, Особых совещаний, Главного комитета по снабжению армии, Главного артиллерийского управления, Всероссийских земских и городских союзов, в которых также активно участвовали академики-либералы.

Чл.-корреспондент ИАН А.Н. Крылов, избранный в августе 1916 г. академиком и возглавивший Николаевскую главную физическую лабораторию, остался консультантом Металлического, Балтийского, Адмиралтейского и Путиловского заводов по вопросам кораблестроения, а в 1916 г. стал начальником Главного военно-метеорологического управления и участвовал в составе следственной комиссии по выяснению причин взрыва и гибели линкора «Императрица Мария»⁴⁵. Как ведущего специалиста в области кораблестроения и знатока военной промышленности его назначали руководителем группы инспекторов Путиловского завода, срывавшего оборонные заказы. После проверки Крылов был назначен председателем правительственного управления секвестрированного завода, и он сумел в короткий срок поднять производительность труда, обеспечив двукратное увеличение объема производства орудий, снарядов и их ассортимента⁴⁶.

Чл.-корреспондент ИАН В.Н. Ипатьев, избранный академиком в январе 1916 г., возглавлял Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, который занимался организацией производства взрывчатых веществ и фармацевтических препаратов⁴⁷. В комитете рабо-

⁴⁵ *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. М., 1941; *Липилин В. А.Н.* Крылов. М., 1983.

⁴⁶ *Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А.* История Путиловского завода: 1800–1917. М., 1961. С. 532.

⁴⁷ *Ипатьев В.Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920; *Он же.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1945.

тали также академик ИАН Н. С. Курнаков и будущие члены АН СССР В.Е. Тищенко, А.Е. Фаворский, А.Е. Чичибабин, А.А. Яковкин и др. Безуспешные попытки заменить завозимые из Германии до войны составные взрывчатых материалов поставками из США и Англии толуола, бензола, тротила и пороха, в целом, показали безальтернативность ставки на отечественное производство различного рода взрывчатых веществ.

Благодаря энергичным мерам по созданию собственной химической промышленности комиссии удалось в течение года (с февраля 1915 по февраль 1916 г.) почти в 15 раз увеличить производство взрывчатки и на 20 созданных заводах наладить отечественное производство бензола. Схожие по объему и сложности проблемы решались с организацией производства серной и азотной кислот, селитры, аммиака и других составляющих производства боеприпасов и боевых отравляющих веществ, выпуск которых также был поручен Химическому комитету. Наряду с созданием новых заводов принимались меры по разработке отечественных месторождений серного колчедана, свинца, серы, селитры. Уже к 1917 г. в подчинении Химического комитета работало около 200 заводов, производивших не только различные виды взрывчатки, но и отравляющие вещества — хлор, фосген, хлорпикрин, как для газобаллонных атак, так и для снарядов. Химический комитет наладил производство средств защиты от газовых атак и производство медикаментов. В результате на вооружение русских войск поступили мокрый и сухой противогазы. Н.Д. Зелинскому принадлежит заслуга создания угольного противогаса, применение которого спасло многие тысячи солдат. А.Е. Чичибабин организовал и возглавил Московский комитет содействия фармацевтической промышленности, под патронажем которого разрабатывали способы производства аспирина, опия, морфия, кодеина, салола и фенацетина.

Академики В.Н. Ипатьев и Н.С. Курнаков входили в число учредителей Опытного завода, созданного в 1916 г. при Русском физико-химическом обществе и ставшего полигоном для отработки технологии массового производства химических продуктов, полученных в лаборатории. Завод сыграл важную роль не только для обороны, но и для подготовки инженеров и химиков⁴⁸.

⁴⁸ *Георгиевский С.С., Мануйлова С.С.* История организации и развития науки в Российском научном центре «Прикладная химия» для нужд оборонного комплекса // Наука и военная техника. СПб., 2001. С. 28–34; См. статью И.С. Дмитриева в этом сборнике.

Для достижения сырьевой независимости военной промышленности и мобилизации ресурсов, необходимых для обороны, была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС)⁴⁹, председателем которой в октябре 1915 г. был избран минералог и геохимик В.И. Вернадский, работавший также в Экономической комиссии Государственного совета и Межпарламентской торговой конференции союзных держав. Уже в первый состав КЕПС, сформированный в феврале 1915 г., вошли академики, представлявшие практически все отрасли естественных наук: биологи И.П. Бородин, В.В. Заленский, Н.В. Насонов, И.П. Павлов, В.И. Палладин, А.С. Фаминцын, геологи и палеонтологи Н.И. Андрусов и А.П. Карпинский, химики П.И. Вальден и Н.С. Курнаков, физики Б.Б. Голицын и М.А. Рыкачев. В дальнейшем к ним присоединились инженеры, гуманитарии, военные, правительственные чиновники, работники оборонных предприятий. К концу 1915 г. количество членов КЕПС достигло 109, к концу 1917 г. — 139. В 1916–1917 гг. в составе КЕПС функционировал Редакционный комитет по изданию очерков «Материалы для изучения естественных производительных сил России»; он подразделялся на подкомиссии: по битумам, по глинам и огнеупорным материалам, по микроскопии, по платине, по почвам, по исследованию Севера, по солям.

Центральное место в работе КЕПС занимали проблемы обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем. Ученые выезжали в геологические экспедиции, решали вопросы продовольственного снабжения. Результаты исследований обобщали в серийных изданиях КЕПС: «Естественные производительные силы России», «Богатства России», «Отчеты о деятельности КЕПС» и др. КЕПС развивалась как новая форма организации комплексных научных исследований, финансируемых разными правительственными учреждениями. Большая часть средств поступала от министерств и ведомств, заказы которых выполняла Комиссия. На заседаниях совета и общих собраниях КЕПС регулярно обсуждали вопросы совершенствования организационных форм науки. Были разработаны программы создания и деятельности Института физико-химического анализа, Института по изучению платины и других благородных металлов, основанных уже после Октябрьской революции. В ИАН создаются и другие учреждения: Полярная комиссия (1915), Постоянная лингвистическая комиссия (1915), Комиссия

⁴⁹ *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил. СПб., 1999.

по исследованию племенного состава населения областей, прилегающих к границам России (1917), Кавказский историко-археологический институт (1917) и др. В тесном сотрудничестве с КЕПС работал Геологический комитет, который вел поиски стратегического сырья: вольфрама, молибдена, висмута, олова и др.⁵⁰

Некоторые члены ИАН считали, правда, что создание КЕПС продиктовано не столько стремлением помочь Отечеству во время войны, сколько желанием использовать сложившуюся обстановку для развития самой науки. По мнению, кристаллографа, академика Е.С. Федорова, было недопустимым в военной обстановке тратить огромные финансовые и материальные ресурсы на проекты, отдача от которых возможна лишь через несколько десятилетий. «В настоящую минуту, — призывал он, — нужно думать не о затратах для науки, а напрягать все силы, чтобы помочь армии и бедствующей части населения»⁵¹.

Свой «вклад» в победу над врагом старались внести гуманитарии, доказывавшие в научных трудах, в публичных лекциях и статьях отечественный характер войны и необходимость разгрома вечных агрессоров — «немецких варваров». В Библиотеке Академии наук был создан «Архив войны», в котором собирали письма, открытки, карикатуры, лубочные картинки и другие свидетельства военного времени. Туда посылали также финансируемые ИАН сборы обрядовых причитаний при проходах рекрутов на войну, при похоронах погибших, молитвы и заговоры солдат, их письма, ладанки и т.д.

Вскоре академики стали понимать, что Россия не сможет победить, хотя еще сохраняли надежду, что благодаря союзникам она не будет побеждена. Война разрушала материально-финансовую базу научных исследований, инфляция съедала выделяемые ассигнования, а бюджет не пересматривали с 1912 г., так как было принято менять его только раз в пять лет. Единовременные дополнительные ассигнования не меняли существенно ситуации. Рост ассигнований на науку шел лишь через ВПК и КЕПС, выполнявшие заказы военных ведомств. Не было денег на ремонт зданий, закупку оборудования и книг.

⁵⁰ ВСЕГЕИ в развитии геологической науки и минерально-сырьевой базы страны. 1882–1982. Л., 1982. С. 56.

⁵¹ Мнение проф. Е. Федорова о записке гг. академиков об изучении естественных производительных сил России // Изв. Имп. АН. VI сер. 1915. № 16. С. 1679–1680.

Наблюдая поворот высшей школы к решению прикладных задач и нарастающую политизацию студенчества, академики все активнее выступали за создание сети специализированных научно-исследовательских институтов, субсидируемых государством, но управляемых учеными. Последовательным пропагандистом этой идеи стал Вернадский, доказывавший «невозможность и невыгодность соединения научно-технической работы с современной высшей школой»⁵². Многие, как, например, академик В.А. Стеклов, уже летом 1915 г. ощущали, что страна несетя «в пропасть, к явной гибели»⁵³. Вновь зазвучали слова о неразрывности науки и демократии. Послевоенное устройство академикам грезились как союз европейских стран, в условиях всеобщего разоружения и высоких этических норм. Экономическое и правовое устройство России должно было обеспечиваться всесторонним использованием научного знания. С такими демократическими мечтаниями они подошли к Февральской революции 1917 г.

Неудачи в реализации либеральной научной программы

Отречение царя и приход к власти Временного правительства большинство академиков встретило с воодушевлением. Министерство народного просвещения, которому подчинялась Академия наук, теперь возглавлял их коллега проф. А.А. Мануйлов, а с 26 июля 1917 г. — академик С.Ф. Ольденбург. Его заместителем был В.И. Вернадский. 4 марта 1917 г. руководители РАН направили обращение к Временному правительству, в котором приветствовали объединение России в «могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать её от внутренней разрухи и внешнего врага» и обещали представить «правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, которыми Академия служит России»⁵⁴. 24 марта 1917 г. состоялось экстраординарное Общее собрание Академии наук, одоббившее это обращение⁵⁵.

Воспользовавшись близостью к правительству, ученые постарались реализовать свои замыслы по реформированию науки. Были предприняты реальные шаги по демократизации Академии наук: ввели автоном-

⁵² Очерки и речи акад. В.И. Вернадского. Пг., 1922. С. 31.

⁵³ *Стеклов В.А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. С. 259.

⁵⁴ Изв. Академии наук. 1917. № 11. С. 39.

⁵⁵ Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 94.

ность правления и выбрали президента, отказались от обязательного проживания академиков в Петрограде, начали создавать исследовательские институты, ассоциации и т. д. Императорскую академию наук по указу Временного правительства от 11 июля 1917 г. стали называть Российской академией наук⁵⁶. В тот же день ее первым президентом был утвержден А.П. Карпинский, избранный на этот пост ОС АН 15 мая 1917 г.⁵⁷

Планируемые реформы не ограничивались рамками РАН. В проекте Союза научных учреждений, разработанном академиком А.А. Шахматовым, предлагалось сгруппировать все научные учреждения страны (музеи, общества, институты) и отдельных ученых по функциональному признаку, образуя союзы гуманитарных, естественнонаучных, научно-прикладных исследований⁵⁸. В свою очередь, они должны были образовывать «союз союзов» во главе с Комитетом, председатель которого имел бы право прямо обращаться в Совет министров. При этом Союз не должен был осуществлять административный контроль над научными учреждениями. Его задача состояла лишь в обеспечении государственного финансирования научных исследований, а главным принципом его деятельности должна была стать автономия каждого коллектива и исследователя. Реформа должна была проводиться на основе и с сохранением существовавших учреждений. Были предприняты шаги для реализации этого проекта. В апреле 1917 г. под председательством А.П. Карпинского начало функционировать Совещание представителей ученых учреждений и вузов.

15 апреля 1917 г. Общее собрание приняло предложение о созыве съезда представителей ученых учреждений и ученых обществ России⁵⁹. На нем предполагали создать Свободную ассоциацию для развития и распространения положительных наук. Ее задачи состояли в привлечении внимания общественности и правительства к перспективам развития науки, пропаганде достижений науки и поиске средств для новых научных институтов⁶⁰. Этот проект был поддержан рядом научно-

⁵⁶ Там же. С. 218. § 209. С. 219. Прил. 1 к § 209.

⁵⁷ Там же. § 210.

⁵⁸ *Иванова Л.В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М., 1980. С. 210–211.

⁵⁹ Протоколы ОС АН за 1917 г. С. 112. § 112–125.

⁶⁰ *Конашев М.Б.* К истории создания Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XIV. СПб., 1998. С. 154–155.

просветительских обществ и учреждений Петрограда и Москвы, а также представителями исполнительной и законодательной властей. На состоявшихся в апреле–мае собраниях Ассоциации выступали министры Временного правительства, в том числе А.Ф. Керенский, П.Н. Милуков. На учредительном собрании, проходившем 26 мая 1917 г., в Совет было выбрано 11 академиков, а его председателем стал академик В.А. Стеклов. Новое объединение, задуманное, прежде всего, как ассоциация точных наук, планировало создать Институт положительных наук с хорошо оборудованными лабораториями, библиотеками, музеями, аудиториями, а также привлечь к научной работе талантливую молодежь, обеспечив ее «надлежащим образом» материально. Но жизнь не дала возможность проверить реальность этих планов, которые, как подчеркивали сами авторы, могли быть реализованы только при демократии в России.

Тем не менее, многие из проектов, разработанных в ученых комитетах и комиссиях Временного правительства, были осуществлены при большевиках, включая открытие новых академий в Грузии, Сибири и на Украине, создание системы государственных исследовательских институтов. Эти проекты разработала Комиссия по ученым учреждениям и научным предприятиям во главе с В.И. Вернадским, созданная при Министерстве народного просвещения⁶¹. При его активном участии была подготовлена программная записка о создании университетов нового типа и предоставлении им права открывать факультеты и отделения по прикладным наукам, так как недостаток лиц с высшим образованием мешал экономическому и культурному развитию страны. Для быстрого исправления создавшегося положения предполагали создавать высшие учебные заведения, совмещавшие задачи чисто научного и профессионального образования.

Из-за военной опасности Петрограду и угрозы захвата его немцами с лета 1917 г. встал вопрос об эвакуации учреждений РАН и научных коллекций. 7 октября 1917 г. ОС признало, что научная работа, когда разрываются связи даже внутри одного и того же учреждения, становится невозможной, и решило командировать в Москву сроком на один год «представителей математики, механики, математической и опытной химии, ординарных академиков В.А. Стеклова, Н.С. Курнакова, А.Н. Крылова и П.П. Лазарева», деятельность которых имеет особое значение для обороны страны (изготовление точных измери-

⁶¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 54–66, 69–75, 87–89, 94–95.

тельных приборов, авиационное дело, взрывчатые вещества, противогазы и т.п.)» и эвакуировать полностью Главную физическую лабораторию⁶². В октябре 1917 г. Академия наук эвакуировала в Саратовский университет и Исторический музей Москвы рукописные собрания, старопечатные книги и почти все издания XVIII в., библиотеки Азиатского музея и Архива.

Многие академики с августа 1917 г. с презрением относились к Временному правительству. Рос страх и перед народными массами, вновь занявшими позицию «левее здравого смысла»⁶³. 24 августа 1917 г. В.А. Стеклов писал А.П. Карпинскому из Кисловодска, что очень сожалеет по поводу согласия Ольденбурга занять министерский пост⁶⁴. Его утешало только то, что в министерской чехарде у Ольденбурга мало шансов удержаться надолго в правительстве, и Академия вновь сможет использовать его блестящие способности. Стеклов оказался прав. Уже 4 сентября министром народного просвещения стал профессор С.С. Салазкин, а способности Ольденбурга и самого Стеклова вскоре потребовались Академии не столько для реформ, сколько для ее выживания.

Осколок империи: от неприятия к подчинению

Академия наук не приняла Октябрьскую революцию, и захват власти большевиками, по словам В.И. Вернадского, восприняла как «небывалую в истории катастрофу»⁶⁵. Общее собрание одобрило действия С.Ф. Ольденбурга, который заявил, что не признает Военно-революционный комитет. 8 ноября 1917 г. делегация, в которую входили С.Ф. Ольденбург и А.А. Шахматов, требовавшая освободить министров Временного правительства, была выслушана в Военно-революционном комитете; в тот же вечер с ними беседовал В.И. Ленин⁶⁶. Посетив заключенных, Ольденбург опубликовал 16 ноября в газете «Русские ведомости» призыв к большевикам перестать «быть тюремщиками невинных людей». В тот же день появилось воззвание членов Временного правительства, среди них был

⁶² Протоколы ОС АН. 1917. С. 260. § 272.

⁶³ «Интуитивное предвидение» Егора Ивановича Орлова (Накануне и в первый год после Великой Октябрьской) // Природа. 1994. № 3. С. 94. 32.

⁶⁴ ПФА. РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 558. Л. 1–1 об.

⁶⁵ *Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920.* Киев, 1994. С. 28.

⁶⁶ Петроградский ВРК. Документы и материалы. М., 1966. Т. 2. С. 230, 238.

и В.И. Вернадский, призывавшее защитить Учредительное собрание⁶⁷. Узнав о приказе арестовать его, Вернадский тайно покинул Петроград. Вскоре на территориях, контролируемых антибольшевистскими силами, оказалась значительная часть академиков, а некоторые из них, как, например, П.Б. Струве, вошли в антисоветские правительства и комитеты.

18 ноября 1917 г. состоялось экстраординарное заседание Общего собрания РАН, на котором А.П. Карпинский заявил, что происходящие события угрожают гибелью страны и предложил подготовить протест, чтобы РАН «не молчала в такое исключительное время»⁶⁸. Против этого резко выступил В.А. Стеклов, которого поддержал И.П. Бородин. Выяснилось, что к сотрудничеству с большевиками готовы математики, представители технических и естественных наук, тогда как гуманитарии были против. Через три дня состоялось следующее экстраординарное Общее собрание, на котором А.С. Лаппо-Данилевский зачитал обращение к ученым. В нем в частности говорилось: «...Русский народ ...ценою постыдного и непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов»⁶⁹. Взывая к национальной гордости россиян, ученые не предполагали, насколько их призывы не соответствовали настроениям масс. К середине декабря возникли трудности при получении денег в казначействе и академики начали осознавать, что само существование Академии наук становится предметом торга с новыми властями и ее прежняя роль в жизни страны, возможно, будет оспариваться⁷⁰. Это беспокойство — лейтмотив речи С.Ф. Ольденбурга на годовом собрании РАН в декабре 1917 г. Он убеждал власть, что без работы ученых «немыслимо просвещение и культура, а без этих последних никакое достойное человеческое существование»⁷¹.

В конечном счете, осудив выход России из войны, А.П. Карпинский, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов пошли на профессиональное сотрудничество с новой властью. Уже в конце января 1918 г. они начали переговоры с правительством об участии Академии наук в решении

⁶⁷ Мочалов И.И. «...Ко всем гражданам Российской республики» // Огонек, 1991. № 22. С. 10–13.

⁶⁸ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 148. § 306; Протоколы ОС АН. 1917. С. 298 § 306.

⁶⁹ Там же. Л. 165. С. 300. § 307; Протоколы ОС АН. 1917. С. 298. § 306.

⁷⁰ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. А-1917. Д. 164. Л. 170. § 3327. Протоколы ОС АН. 1917. С. 324. § 332.

⁷¹ Отчет о деятельности РАН за 1917 г. Пг., 1917. С. 5.

государственных задач⁷². При этом академики стремились, сохраняя автономию, получать финансовую и материальную поддержку от государства, участвовать в разработке и экспертизе законов, правительственных проектов и планов. В сотрудничестве были заинтересованы и коммунистические вожди, охваченные прометеевской верой в возможность построения нового общества путем максимального использования научных достижений и модернизации экономики.

Немногочисленным академиком, оставшимся в Петрограде, пришлось в полной мере испытать тяготы времени: преследования властей, аресты, голод, холод, инфекционные болезни, отсутствие элементарных условий для работы. С лета 1918 г. на Общих собраниях присутствовало не более четверти действительных членов. Остальные проживали или в Москве, или на территориях, неподвластных большевикам, в том числе и на оккупированных немецкими войсками. В условиях Брестского мира Германия становилась единственным партнером для получения книг, оборудования и приборов. В заседании ОС 14 сентября 1918 г. непреходящий секретарь С.Ф. Ольденбург доложил о предложении лейпцигских фирм восстановить книгообмен. Многие академики забыли о призывах вести войну до победы, воспринимая немцев как спасителей и надеясь с их помощью возродить Россию. Но в ноябре 1918 г. Германия капитулировала и тоже погрузилась в хаос социально-экономических и политических катаклизмов.

Революция изменила положение Академии в обществе. Первенствующее научное сообщество, боровшееся за изменение государственного устройства царской России, оказалось не очень нужным новым властям. К концу Первой мировой войны речь уже шла буквально о физическом выживании академиков. 25 сентября 1918 г. А.П. Карпинский и С.Ф. Ольденбург обратились в Наркомпрос с письмом о том, что среди ученых наблюдается особо сильное истощение и «ряды их тают с чрезвычайной быстротой вследствие болезней, многочисленных смертей и отъездов за границу»⁷³. 8 октября 1918 г. Ольденбург вновь обратился к А.В. Луначарскому, предложив создать специальную комиссию для принятия неотложных мер⁷⁴. В последующие годы

⁷² ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 23об., 30, 31–31об., 35, 172–173об., 188об.–189об., 367.

⁷³ ПФА РАН, Ф. 1. Оп. 1а-1918. Л. 93–94об.

⁷⁴ Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. Л., 1986. С. 174–177.

не раз еще пришлось взывать к властям принять меры для «спасения русской науки и русских ученых»⁷⁵ и напоминать правительству, что только наука будет прочным фундаментом экономики, что прикладное и чистое знание едины, что необходимо привлекать ученых к работе правительственных органов, реформам образования.

В конечном счете, им удалось добиться финансовой поддержки. Под руководством академиков стали создавать институты при народных комиссариатах. В апреле 1918 г. КЕПС организовала отделы, которые позднее превратились в институты, занимавшиеся прикладными проблемами. У академиков появлялся реальный шанс использовать государственные ресурсы для реализации своих научных планов и участвовать в разработке правительственных программ. И этот шанс они не упустили. Начинаясь беспрецедентный в мировой практике рост числа научных институтов. К концу Первой мировой войны была создана Украинская академия наук, два института и 25 научных отделов КЕПС. Создавались и провинциальные отделения КЕПС.⁷⁶ Резко увеличился штат РАН. Ученые, приобретшие опыт в годы Первой мировой войны по консультации царского правительства в решении оборонных задач, легко шли на профессиональное сотрудничество с новыми властями. Так, академик В.Н. Ипатьев преобразовал Химический комитет обороны в Комиссию по демобилизации химической промышленности. Академик А.Н. Крылов в 1918 г. стал консультантом Комиссии особых артиллерийских опытов и других различных учреждений флота и промышленности, а в 1919–1920 гг. возглавлял Морскую академию.

Оставшиеся в советской России академики начинали выстраивать свои приоритеты в соответствии с интересами властей⁷⁷. В ущерб профессиональным интересам они занимались поиском полезных ископаемых, участвовали в реформе русского языка, производили учет

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Российской Академии наук, 1918. № 12.

⁷⁷ Механизмы адаптации академического сообщества к новой власти недавно подробно проанализированы: Наука и кризисы / Ред.-сост. Э.И. Колчинский СПб., 2003. С. 357–549, 577–669, 728–772, а также в книгах «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки» / Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб., 2003. С. 336–481; *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом. СПб., 2007. С. 245–299.

кадров и учреждений, составляли этнографические карты страны. Сотрудничество с правительством объяснялось национальными интересами и необходимостью сохранить науку. Им казалось, что нетрудно найти оптимум между «желаниями большевиков и своими представлениями о том, чем должна заниматься наука»⁷⁸.

С января 1919 г. Академия наук по предложению Наркомпроса приняла участие в обсуждении тематического заказа научной литературы в Германии и Швеции. Специальная комиссия Лейпцигского университета под председательством Ф. Брауна выявила важнейшие труды, изданные на Западе с 1914 г., и составила библиографический указатель по естественным наукам для обмена с Российской академией наук. Вскоре начался интенсивный книгообмен со многими академиями, научными учреждениями и обществами Германии, поставившими в 1920-х гг. наибольшее количество иностранных изданий в академическую библиотеку.

Реалии послеверсальского устройства Европы обусловили возрастание многообразия форм научного сотрудничества Германии и Советской России, оказавшихся в положении стран-изгоев. Не столько традиции двухвекового взаимодействия германской и российской науки, сколько стремление разыграть «русскую» или «германскую» карту во взаимоотношениях со странами Антанты и выйти из изоляции, побуждало обе стороны к сотрудничеству в переводах, рецензировании и издании книг советских авторов в Германии и немецких в СССР, в организации совместных советско-германских экспедиций, в проведении «недель ученых», научных конгрессов, юбилейных мероприятий в резко возросших масштабах.⁷⁹ Десятки академических сотрудников ежегодно командировались в Германию. С 1922 г. возобновили избрание иностранных почетных членов и чл.-корреспондентов, среди которых вновь стал высоким процент немецких ученых. Так, до 1929 г., когда академическое сообщество было еще относительно свободно в их выборе, из 169 почти треть — 48 — составляли ученые Германии, в то время как ученых Франции было избрано 37, а Англии — 12⁸⁰. Особенностью этого периода стало резкое увеличение по сравнению

⁷⁸ Романовский С.И. Российская Академия наук в годы Гражданской войны // Новый часовой. 1997. № 5. С. 121.

⁷⁹ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2001.

⁸⁰ Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 2. 1918–1973. С. 337–376.

с довоенными годами количества избраний академиков РАН в чл.-корреспонденты различных научных обществ и академий Германии, что свидетельствовало о росте интереса немецкого научного сообщества к укреплению контактов с РАН.

* * *

Первая мировая война неожиданным образом завершила многолетнее противостояние академического сообщества с властями. Большевики, восприняв планы академиков по созданию сети государственных научных учреждений и вузов и, используя их в качестве экспертов, позволили Академии наук еще до 1927 г. действовать в рамках дореволюционного Устава. В то же время война существенно реформировала академическое сообщество, где все более значительную роль стали играть представители естественных и точных наук, способные решать прикладные проблемы и внедрять результаты лабораторных исследований в практику. Отныне в РАН чаще избирали ученых, тесно связанных с правительственными и промышленными кругами, а также организаторов оборонной промышленности. Это позволило большевикам в 1929 г. полностью подчинить Академию своему влиянию, увеличив состав академических кафедр в два раза и избрав в Академию ученых, способных решать задачу ускоренной модернизации страны и обеспечить перевооружение армии. Опыт по мобилизации науки и промышленности «во имя фронта» и «во имя победы», приобретенный академическим сообществом во время Первой мировой войны, был с максимальной эффективностью использован учеными и советским правительством в десятилетия между двумя мировыми войнами.

Приспособившись к новой государственной системе и получив мощную правительственную поддержку, члены АН СССР уже в 1930-х гг. не слишком нуждались в международном признании. Доля публикаций на иностранных языках в продукции советских ученых неуклонно снижалась, и эта тенденция была характерна для всех основных отраслей знания. Причем, политические репрессии и нежелание публиковаться в немецких журналах после прихода к власти нацистов отнюдь не были главными причинами нарастающего изоляционизма. Важнее было то, что еще во время Первой мировой войны российские ученые убедились в своих способностях самостоятельно решать научные, научно-организационные и прикладные проблемы.